
Александр Бушковский

Чудо

Рассказ

Великий Искандер Двурогий, стремясь властвовать над миром, к тридцати годам покорил почти всю Ойкумену, землю, известную путешественникам и мореплавателям. Не потерпев ни одного поражения в бесчисленных битвах, неся культуру эллинов на своих сариссах, его фаланги прошли всю Европу, Малую и Среднюю Азию, Северную Африку и Ближний Восток.

За бескрайними песками африканских пустынь земля кончалась, пересекать их не имело смысла, это было известно любому уважающему себя ученому. На севере Европы в вечных снегах и льдах тоже нет людей, там живут лишь колдуны и косматые звероптицы с медвежьими головами, орлиными крыльями и человеческими ногами. Ближний Восток обрывался в бесконечный океан, в нем плывет весь обитаемый мир, это знают даже дети. Оставался только восток дальний, где лежат и дремлют полусказочные Индия и Китай.

О Китае царю было известно лишь то, что за огромной каменной стеной там живет несметное количество желтолицых людей с раскосыми глазами, что носят они удивительные одежды и прически, что все они грамотеи и пишут непонятными черными значками на хрупкой белой материи.

А Индия и вовсе была дикой и таинственной. Она окружила себя горами со снежными шапками, и вершины самых высоких спрятались в облаках. В Индии, по слухам, полно чудес. Здесь живут слоны и драконы, цари владеют несметными богатствами, волшебники-йоги могут ходить по воде и углям, не боятся сабель и стрел, а мудрецы знают, как устроен мир. Они владеют величайшими тайнами жизни и судьбы, но никому не открывают этих тайн.

Искандер желал покорить весь мир без остатка и узнать секрет мироздания. Блестящий полководец, завоеватель и любознательный ученый, он не хотел смириться с тем, что на свете есть вещи, неизвестные и неподвластные ему. Уже была заложена Александрия с ее библиотекой, уже разрублен Гордиев узел, уже сложил оружие властелин огромной империи Дарий, и побежденные народы называют Искандера

Александр Бушковский родился в 1970 году в селе Спасская Губа Кондопожского района Карелии. Окончил Санкт-Петербургскую юридическую академию МВД РФ. Публиковался в журналах «Север», «Октябрь», «Дружба народов», «Вопросы литературы» и др. Автор трех книг прозы. Лауреат премии журнала «Вопросы литературы» (2011). Живет в Петрозаводске.

Великим и сравнивают с солнцем, а покоя и удовлетворения все не было. «Чем большим владеешь, тем сильнее жажда владеть всем остальным», — знал он. Царь устал и ожесточился, но не останавливался. Ведь никто до сих пор не смог оказать ему настоящего сопротивления. Значит, именно он должен стать властелином миров. Но сила власти — это еще не все. Знание — вот истинная сила. А корень знаний — философия. Искандер жаждал найти ответы на мучительные вопросы, растущие в его голове, как пыльный ком на чердаке. Он искал нового учителя и надеялся, что в Индии есть такой.

Гефестион, друг Искандера, командир ударного крыла фаланги, видел эту жажду, хоть и не испытывал ее. Он был солдатом, и его философия заключалась в преданности царю и вере в короткий меч. Это прекрасная философия. Она наполняет душу адепта покоем, а тело его делает похожим на окованный медью таран, каким ломают ворота осажденных городов.

Каждый вечер и каждое утро Гефестион обходил посты вокруг царского шатра. Искандер с войском уже достиг предгорий, разбил маленькие армии местных раджей, рассеял смуглых низкорослых индусов по джунглям, но тут муссоны с океана принесли тяжелые душные ливни. Стало невозможно двигаться вперед. Хрустальные горные ручьи превратились в ревущие потоки цвета глины, катящие вниз валуны и стволы деревьев. Оползни утаскивали в ущелья размокшие палатки солдат, колесницы с лошадьми и навьюченных верблюдов. «Откуда в небе и в горах столько воды?» — недоумевали солдаты, привычные к летним засухам и не желающие жить по колено в грязи. Гефестион прислушивался — солдаты роптали. Чего хочет царь? Почти весь подлунный мир в его руках, десять лет битв, десять лет побед, не пора ли начать царствовать, править мудро и гуманно? Молчали только гвардейцы охраны, по мрачным лицам которых струился дождь. Время шло, царь медлил, войска терпели ливень, темнели ржой и набухали сырой кожей.

«Искандер ждет доброго знамения, — думал Гефестион, — а нам нужен хотя бы один солнечный день. Ведь солнце сильнее дождя, дождь не может идти вечно. Пусть только выглянет солнце, и я найду царю этот знак».

И конечно, солнце вышло. Его сияющие лучи загнали реки в берега, оградили крокодильи болота мостовыми засыхающего ила, и джунгли предгорий задышали горячим паром сохнувшей листвы. Ранним утром было уже жарко, и Гефестион, уйдя подальше от лагеря, спустился к реке, чтобы смыть с себя ночную духоту и испарения жирной земли.

На берегу ручья, бегущего к реке, в молитве стоял на коленях худой и темный старик, весь голый, только тряпица на чреслах, и протягивал к солнцу руки. Солнечные лучи сверкали в седых волосах, будто золотой венец, а тело старика, как сухая ветка, дрожало в знойном воздухе.

«Ну, что ж, вот он, — спокойно решил Гефестион. — Царь говорил, что хочет найти нищего мудреца, о котором рассказал ему Аристотель, и поговорить с ним. Судя по занятию этого старика, он вполне может оказаться мудрецом. Возьму его к царю».

Гефестион вброд перешел ручей и остановился за спиной старика, присевшего у воды на корточки и умывающего лицо. «Эй!» — позвал воин, и старик обернулся. С длинной бороды стекала вода, но в выцветших глазах не было испуга.

— Идем со мной! — сказал Гефестион и поманил старика пальцем. Старик внимательно посмотрел в лицо воину и, прежде чем тот повторил жест, встал и пошел за ним. Он оказался высоким, спину держал прямо, а двигался легко. Они шли рядом,

могучий воин и высохший старец, и оба были спокойны. Войдя в лагерь, Гефестион велел позвать толмача.

Увидев старика, молодой толмач-шудра почтительно склонился и сложил ладони перед лбом. Старик улыбнулся одними глазами.

— Спроси его, кто он? — велел Гефестион.

— Это мудрый человек из касты брахман, — ответил толмач робко, — здесь все о нем знают.

— Хорошо. Как его зовут?

— Когда его спрашивают об этом, он отвечает, что очень стар и не помнит имен. Люди зовут его Гуру.

— Почему ты отвечаешь за него? — удивился Гефестион. Толмач испугался:

— Все здешние люди это знают, господин, я не хотел отнимать его и вашего времени вопросами, на которые знаю ответ.

— Чем же он мудр? — Гефестион не сердился, он был доволен тем, что ему, возможно, удастся заинтересовать царя.

— С любым человеком он находит общий язык, вселяет надежду и знает ответы на трудные вопросы.

— Спроси его, не боится ли он?

Толмач перевел. Старик все это время стоял, опустив руки вдоль тела, и внимательно слушал. На вопрос толмача он просто слегка мотнул головой.

— Почему? — заинтересовался Гефестион.

Старик сказал несколько слов мягким голосом.

— Он думает, что для чего-то нужен вам, господин.

— Пожалуй. — Гефестион пожал плечами и повернулся к стоящему неподалеку гвардейцу: — Ступай к царю, Патрокл, и попроси его принять меня. А ты, — он снова обратился к толмачу, — спроси этого мудреца, кто сильнее всех на свете. Посмотрим, что он ответит.

Толмач перевел. Старик взглянул на воина и произнес две короткие фразы.

— Он говорит — вы и сами это знаете, — смущаясь, сказал толмач и, не давая господину времени рассердиться, продолжил: — Он говорит, это человек. У него, и более ни у кого, есть разум для осознания цели и воля, чтобы ее достичь.

— Значит, богов он не признает? Кому же он тогда молился? Интересно, — усмехнулся Гефестион, — что знает он о нашем царе?

Старик выслушал толмача, улыбнулся и сказал несколько слов. Испуганный шудра-толмач не сразу решился перевести.

— Говори истинные слова! — предупредил его Гефестион.

— Он слышал, что это умный молодой человек, и Гуру надеется ему помочь.

— Скажи ему, что если мудрость его так же глубока, как старость, а удача равновелика дерзости, царь достойно отблагодарит его.

Слушая, старик задумчиво качал головой.

Вернулся Патрокл.

— Царь сейчас сам придет, — вполголоса сказал он, обращаясь к Гефестиону, и добавил, отвечая на его вопросительный взгляд: — Он воодушевлен.

Появился Искандер в сопровождении двух телохранителей. Он был свеж и бодр, в легкой тунике, сандалиях и с непокрытой головой. Лишь на поясе висел короткий меч. Один из сопровождающих нес кожаный барабан. Остальные гвардейцы выстроились кольцом на расстоянии достаточном, чтобы не слышать и не мешать.

Гефестион склонил в приветствии голову и прижал правую ладонь к сердцу. Толмач глубоко поклонился. Старик сложил ладони перед грудью и опустил голову. Царь поднял руку и, улыбаясь, хлопнул друга по плечу.

— Садитесь, как удобно, — весело сказал он и уселся на подставленный барабан.

Гефестион с толмачом остались стоять, а старик сел на траву, поджав ноги и положив руки на колени.

— Приветствую тебя, старик, — быстро начал Искандер, — я слышал, ты мудрец, и здешние люди зовут тебя Гуру.

Толмач перевел. Старик поклонился и молча смотрел на царя. Не дождавшись ответа, Искандер продолжил:

— Я ишу знаний и мудрости. Но что есть мудрость?

Старик коротко ответил.

— Мудрость у каждого своя, — перевел толмач. — Гуру считает, что мудро следовать велениям сердца, когда прислушаешься к нему в тишине.

— Какова же твоя мудрость? Что велит тебе сердце? — спросил царь.

— Сердце велит ему радоваться солнцу и терпеть дождь, никому не мешать жить и стараться помогать тому, кому плохо.

Искандер выслушал и задумался.

— И все? — произнес он наконец. — Мне мало этого. Спроси его, что он думает о войне?

Старик ответил с улыбкой.

— Он говорит, война — дело молодых, лекарство против морщин.

— Думал ли он о том, что будет, когда я окончательно завоюю эту землю?

Старик выслушал и сказал всего три слова. Толмач побледнел.

— Говори, не бойся, — велел царь.

— Он... говорит, землю завоевать нельзя.

— Почему же?

Старик сказал еще несколько фраз.

— Он говорит, силой оружия и денег можно заставить некоторых людей делать то, что тебе хочется, но земля здесь ни при чем. И люди, и муравьи для нее одинаково малы.

— Тогда поговорим конкретно о нем, — в улыбке Искандер прищурился, — ведь его жизнь в моих руках. Как он поступит, если я сделаю его своим рабом? Жизнь раба может оказаться невыносимой...

Старик ответил спокойно. Испуганный толмач с трудом искал слова для перевода. Искандер ждал с каменным лицом.

— Гуру говорит, — начал толмач, заикаясь от страха, — что уже достаточно прожил на свете и кое-чему научился. Его жизнь в его руках, и он может остановить свое сердце, если придется. Тебе, великий царь, достанется лишь его сухое тело. Зачем оно тебе? А жизнь раба невыносима, это верно.

— А он не думал о тех, кто ему дорог? О своих земляках, мужчинах, женщинах и их детях, тех, что хотят жить? Они ведь не желают умирать и становиться рабами?

— Но ведь ты, царь, за этим и пришел сюда? — перевел толмач. — Ты желаешь завоевать эту землю и поработить ее народ, не так ли? Или у тебя другие цели? Может быть, ты считаешь культуру своего народа выше здешней? Ты пройдеши с войском по этой стране, разрушиши города, плениши или погубиши множество людей, но путь гнева никуда не ведет. Чего ты добьешься? Ненависти к себе. Ты только еще больше

ожесточишь свое сердце и запутаешь мысли. Знаешь ли ты, чего действительно хочешь? Власти? Богатства? Все это есть у тебя...

Искандер долго молчал.

— Я хочу знаний! — сказал он наконец. — Знаний о том, как устроен мир. Для чего он? Как он возник? Кто его создал? Для чего в нем я? Знаешь ли ты, мудрец, что центр мироздания, земля, ни на чем не держится, а просто висит в пространстве и имеет форму шара?

— Он говорит, что никто не знает, как устроен мир. Никто не знает, для чего он. Никто не знает, как он возник и кто его создал. Можно лишь принять удобную для себя веру и следовать ей. Каждый человек сам решает, для чего он в этом мире, — проговорил толмач и изумленно добавил: — Гуру считает, что земля не центр мироздания и вращается вокруг солнца, а вокруг чего вращается солнце, он не знает, но думает, что вокруг чего-то вращается.

— Это невозможно представить! — воскликнул Искандер.

— Мудрец говорит, представить невозможно, но можно принять. Он верит, что ты, царь, готов к этому. Но, возможно, он ошибается.

Искандер мрачно молчал. Нетерпеливо взмахнув рукой, он произнес:

— Из этого следует, что мир бессмыслен и все наши поступки и мысли так же не имеют резона. Это не укладывается в голове!

— Гуру говорит, что его учитель считал этот мир шуткой бога, одним из проявлений его самодостаточности.

— Но этот бог непостижим...

— Бог, которого можно понять, — не бог, а деревянный идол. Мы можем только радоваться и терпеть.

— Я не вижу причин для радости и не желаю терпеть бессмысленного бога! — гневно заключил царь. — Если ты, старик, истинный мудрец, ты обнажишь для меня божественную суть, хотя бы для этого тебе пришлось сотворить чудо. Если нет, ты остановишь свое сердце!

Старик помолчал мгновение и кивнул.

— Он готов сотворить чудо, — сказал толмач, — но для этого всем нам нужно спуститься к реке. Туда, где он молился.

Искандер молча встал, махнул рукой гвардии и зашагал вслед за стариком. Тот привел всех на берег, туда, где ручей, вытекающий из зарослей густой и высокой, в два человеческих роста, индийской конопли, впадал в медленную и мутную воду Брахмапутры.

— Ты, наверное, слышал, великий царь, о том, что йоги могут ходить по воде и раскаленным углям, но сам лично этого не видел и навряд ли веришь? — спросил толмач.

Искандер ждал, положив ладонь на рукоять меча. Гвардейцы выстроились вдоль реки.

— Гуру надеется, что теперь ты поверишь в чудо, — закончил переводить толмач и повернулся к старику.

Старик закрыл глаза и тихо стоял у воды с опущенными вдоль тела руками. Шли секунды. Солдаты в ожидании чуда опустили оружие. Слабый ветер шевелил белую бороду Гуру. И вдруг он сделал длинный шаг, потом еще один, и скрылся за частоколом конопляных стволов.

— Взять его! — прошептал сквозь зубы Искандер.

Солдаты бросились в кусты с обнаженными мечами и тоже исчезли. Только стук железа о жесткие ветви доносился из зеленого сумрака. Бледный царь стоял без движения.

Через мучительно долгое время из зарослей выбрался Гефестион, весь бурый от пылицы и со вздувшимися на шее и руках жилами.

— Эта трава жесткая, словно кольчуга! — тяжело дышал он. — Так мы будем долго возиться! Надо выкурить лису из норы...

— Сжечь! — процедил Искандер. Бледное лицо его покрылось красными пятнами.

Гефестион выкрикнул команду. Гвардейцы выбрались из зарослей, принесли огонь и подожгли поле с разных сторон. Конопля долго не хотела заниматься, но наконец ветер вытолкнул из травы первые желтые клубы ядовитого дыма. Солдаты кашляли и терли глаза кулаками. Огонь разгорался, сладкий дым плыл над рекой, то чернел, то синел, и с поля, заглушая треск сухих семян, слышался высокий и хриплый голос старика.

— Надеюсь, ему хуже, чем мне, — проговорил Искандер шепотом и спросил толмача:

— Что он кричит?

— Воины, вернитесь домой! — тихо ответил толмач. — Там ждут вас супружеские постели, почет соплеменников и покой. Война сменяется миром, как ночь расцветает днем.

Казалось, солдаты поняли без перевода. Они садились и ложились на землю, вонзали в нее мечи, вытирали их о траву, смеялись и размазывали светлые слезы по закопченным лицам. Искандер искоса взглянул сквозь дым на Гефестиона. Тот раздувал ноздри и сдерживался, чтобы не улыбаться.

Огонь выжег коноплю дотла. В раскаленном небе летал пепел. Гвардия не нашла тела Гуру на пожарище. Когда весь черный Гефестион сжал кулаки и собрался идти доложить об этом царю, царь вдруг пошатнулся, обхватил голову ладонями и неуклюже сел на барабан, а потом сполз с него на землю. Взгляд его стал бессмысленным, в уголках побледневших губ засохла пена, пальцы задрожали. Царя сразил удар. Телохранители подняли его на краповом плаще и понесли в шатер.

Наутро войска повернули назад и двинулись вниз по течению реки. Десятилетний поход Искандера Двурогого окончился.